

Як бачым, Іван Пташнікаў дынамічна спалучае розныя апавядальныя стратэгіі: стварае шматгеройны раман, але пры гэтым вылучае вобраз галоўнай гераіні, праз суб'ектыўна афарбаваную інтэрпрэтацыю рэчаіснасці, дзе дамінуе не столькі паказ падзей, колькі ўвага да духоўнага свету асобы, рэпрэзентуе шырокаахопны малюнак часу. Мастак слова звяртаецца да паглыбленага псіхалагізму, ужывае тыпізацыю, выкарыстоўвае прыёмы лірычнага пісьма для шматграннага паказу грамадскай атмасферы.

Такім чынам, архетыпу *маці* ў беларускай кніжнай культуры ўласцівы наступныя рысы вясковай жанчыны-маці: у мірны час – разважлівай дарадчыцы і клапатлівай гаспадыні, захавальніцы хатняга цяпла і ўтульнасці, роднай мовы і культуры; у ваенны час – справядлівай і міласэрнай, самаахвярнай, цяроўнай і спакутаванай ад гора і перажыванняў гераіні.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Андраюк, С. Чалавек на зямлі. Нарыс творчасці Івана Пташнікава / С. Андраюк // А жыццё – вышэй за ўсё : выбранае : літ.-крыт. арт. ; нарыс творчасці / С. Андраюк ; прадм. А. Рагулі. – Мінск, 1992. – С. 267–490.
2. Мархель, У. Прысутнасць былога : нарысы, артыкулы, эсэ / У. Мархель. – Мінск : Беларус. навука, 1997. 192 с.
3. Мифы народов мира. Энциклопедия в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. М. : Советская энциклопедия, 1992. Т. 2. – 719 с.
4. 1. Пташнікаў, І. Збор твораў. У 4 т. Т.4 Раман. – Мн.: Маст. літ., 1992.– 575 с.

Ю. Н. Чагайда (г. Брест, Республика Беларусь)
YU. N. Chahida (Brest, Republic of Belarus)

УДК 811.161.3-26:821.161.3.09

«СВОИ» и «ЧУЖИЕ» В ВОЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В. БЫКОВА и Б. ВАСИЛЬЕВА

Аннотация. Статья посвящена исследованию системных содержательных характеристик персонажа, которые мотивируют наличие или отсутствие у героя художественного текста определенных поведенческих качеств. В своей работе мы рассматриваем когнитивный план «свой – чужой» на материале произведений В. Быкова и Б. Васильева. Выделение данного когнитивного плана позволяет нам выявить в художественном произведении языковые феномены, которые задают содержание языкового портрета персонажа.

Ключевые слова: язык художественного произведения, когнитивный план, номинация, оценочность, персонаж.

"YOUR OWN" AND "OTHERS'" IN THE MILITARY WORKS OF V. BYKOV AND B. VASILIEV

Annotation. The article is devoted to the study of systemic content characteristics of a character that motivate the presence or absence of certain behavioral qualities in the hero of a literary text. In our work, we consider the cognitive plan «*svoy – chuzhoj*» based on a material of the Bykov's and B. Vasiliev's stories. Isolation of this cognitive plan allows us to identify linguistic phenomena in a work of art that determine the content of the linguistic portrait of a character.

Key words: language of a work of art, cognitive plan, nomination, evaluativeness, character.

В данном исследовании на примере персонажей произведений В. Быкова («Сотнікаў», «Жураўліны крык») и Б. Васильева («В списках не значился», «А зори здесь тихие») рассмотрим когнитивный план *свой – чужой*⁸. Данный когнитивный план является дихотомичным, т.е. таким, который работает в парадигме «положительная / отрицательная оценка». Под оценкой понимается мнение автора или действующих лиц о персонаже, которое выражает характеристику последнего.

Дуалистический характер когнитивного плана *свой – чужой* предопределяет выделение двух основных структурных компонентов – сферы *свое* и сферы *чужое*, которые базируются вокруг фигуры говорящего. Ядром данного плана является субъект речи – герой художественного произведения, оценивающий мир относительно себя. Разнообразные явления, входящие в личную сферу субъекта речи, то есть все то, что ему близко физически, морально, эмоционально или интеллектуально формируют сферу *свое* [1, с. 28]. То же, что выходит за пределы личной сферы говорящего, образует пространство сферы *чужое*.

Объем репрезентантов когнитивного плана *свой / чужой* неодинаков в языке и художественном произведении: если в языке маркеры этой категории вполне обозримы (лексические единицы со значением 'свой' / 'чужой'), то в художественном произведении они представлены гораздо шире. Сюда относятся лексические единицы, сигнификативный компонент которых формирует понятие *свой* (*свой, родной, близкий*) и *чужой* (*чужой, неродной, далекий*). Состав таких номинативных единиц расширяется за счет лексических элементов, осложненных оценочностью.

Так, лейтенант Плужников (Б. Васильев «В списках не значился») и старшина Васков (Б. Васильев «А зори здесь тихие») являются *своими* для окружающих их сослуживцев, когда, выражаясь словами Ю.С. Степанова, «действуют и применяют свои воззрения к пределам государственной границы» [2, с. 151]. При этом номинативные формы, относящиеся к когнитивному признаку *свой*, выражены чаще всего именами собственными и нарицательными, называющими героев по роду деятельности. Например: ... *обычно Коля ни с кем не встречался, по горло занятый бесконечными подсчетами, ведомостями и актами* ... [3, с. 148]; *Плужников хватал пулемет, волок его к стене, а когда налет кончался, тащил обратно и стрелял* [3, с. 240]; ... *поговорить нам с тобой надо, когда лейтенант [Плужников] уснет [подготавливал старшина Мирру к тому, что скоро она останется одна с Плужниковым]* [3, с. 319] // *Трижды в день обходил старшина объект, замки пробовал и в книге, которую сам же завел, делал одну и ту же запись: «Объект осмотрен. Нарушений нет»* [4, с. 14]; *Как исполнителя, его ценило начальство, а большего от него и не требовалось* [4, с. 61]; ... *одно знал Васков в этом бою: не отступить* [4, с. 131].

⁸ Под когнитивным планом мы понимаем системные содержательные характеристики персонажа, которые мотивируют наличие или отсутствие у героя художественного текста определенных поведенческих качеств.

Следует отметить, что применительно к признаку *свой* частым в рассматриваемых произведениях Б. Васильева также является употребление номинаций персонажей, выраженных обращением:

Николай Плужников – *Продержись до своих, браток <...> обязательно продержись, уцелей, – ... подыскивал Денищик то самое, то единственное слово, которые мертвые оставляют живым* [3, с. 266]; *Отдохни, сыночек* [по-матерински нежно и заботливо говорила пожилая женщина, укрывая Плужникова шинелью] [3, с. 278]; *Не губите, товарищ командир* [просил Плужникова о пощаде сдавшийся в плен Прижнюк] [3, с. 304]; ... *товарищ лейтенант <...> девочку сбереги и сам уцелей, выживи <...> назло им – выживи, за всех нас, – говорил умирающий старшина* [3, с. 319]; *Как же ты уцелел, братишка ты мой родной?* – спрашивает у Плужникова раненый старшина, три недели не видевший людей [3, с. 376]; *Умри, но немцам не отдавай. Не твоя это честь и не моя – Родины нашей это честь, не запятай, лейтенант* [просит старшина Семишный сберечь знамя полка] [3, с. 383];

старшина Васков – *Нету мамы <...> война есть, я есть, старшина Васков <...> мамы у тех будут, кто войну переживет* [4, с. 56]; *Ты не очень-то утруждайся, Федот Евграфыч <...> ты теперь один у нас остался ...* [заботливо просила квартиранта хозяйка] [4, с. 12]; *Ничего, Федот, отобьемся, – пытались поддержать старшину и не показывать своего страха бойцы* [4, с. 129].

Для сравнения, частым является употребление номинаций, выраженных обращением, и в образе Сотникова (В. Быков «Сотнікаў»). Например: ... *сыночак, ну як жа так? Ён [Рыбак] жа яго [старосту] застрэліць!..* [переживала старостиха] [5, с. 274]; *Дзетачка, гэта ж няпраўда, што ён на сваёй ахвоце* [жена старосты пыталась оправдать мужа в глазах Сотникова] [5, с. 275]; *Сынок, <...> Ды ты ж хворы <...> Табе легчы трэба <...> Пачакай, я табе лекаў звару* [суетилась жена старосты] [5, с. 276].

В повести В. Быкова «Жураўліны крык» ключевыми номинациями в группе *свой* являются следующие: *свой, таварыш, баец, камандзір, старшына*. Ср.:

Старшина Карпенко – *Карпенка з Аўсеевым падышлі да старожкі, старшына па-гаспадарску пакратаў расчыненыя рыпучыя дзверы і пераступіў парог пакінутай будыніны* [6, с. 11]; *спрытным рыўком ён ускінуў на плячо цяжкі кулямёт і, з хрустам ломачы ссохлы быльнэг, пайшоў над канавай <...> байцы адзін за другім неахвотна падаліся за сваім камандзірам* [6, с. 11]; ... *байцы трошкі крыўдавалі на яго за лішнюю строгасць, але ў баях цанілі крыклівага старшыну* [6, с. 53].

Фишер – ... *баец парадкам змарыўся, расшпіліў напружку, зняў процівагазную сумку, паслухаў трохі, адначыў і ўжо далей пачаў працаваць спакойней* [6, с. 14]; *Ужо можна было сяк-так схаватца ў гэтым акупчыку-ямцы, але старшына загадаў акапацца як мае быць, і баец, адначыўшы, згінаўся ў чорную цемнату сховішча* [6, с. 55].

Свист – *Недзе ўнутры яго маркотна заныла нядобрае прадчуванне: ведаў баец – пачнецца нялёгкае* [6, с. 78]; *Па сцягне ўсё ж сцебанула, баец адчуў, як пацёк да калена гарачы ліпкі струмень крыві, але боль быў невялікі, і баец не зваяў на яго* [6, с. 81]; *Глечык не зразумеў і вялікімі змярцзелымі вачыма няўцямна пазіраў услед таварышу* [Свисту] [6, с. 82].

Глечик – *Карпенка памаўчаў, задаволены стараннем маладога байца, хацеў пахваліць яго, але стрымаўся* [6, с. 28]; ... *поруч транспарцёраў усё было спакойна, і баец, пераадольваючы страх, крочыў побач з таварышам* [6, с. 73].

Самым употребительным в группе *свой* является слово *таварыш*. Это слово-символ *своего* человека на войне. Оно употребляется в тексте с определениями *баявы, свой, спрактыкаваны*. Сочетаемость с данными определениями подчеркивает положительный характер восприятия данного слова: ... *старшына здзівіўся, зусім не ведаючы, як разумець тое, і скамянеў, збянтэжаны незвычайнай, але смяротнай для баявога таварыша сутычкай* [6, с. 68]; *Карпенка азірнуўся на свайго таварыша – Віцька Свіст таропка біў запальнымі кулямі, стараючыся падпаліць другі транспарцёр* [6, с. 69]; *Глечык уважліва глядзеў, слухаючы болей за сябе спрактыкаванага таварыша* [Свиста], *і думаў, што той пакажа, як абыходзіцца з кулямётам* [6, с. 75].

В основе когнитивного признака *чужой* лежит «тактика дистанцирования, отдаления» [7, с. 86] главного героя от окружающих его людей. Данный признак можно обозначить маркерами ‘я не рядом’, ‘я не такой’. Номинации здесь преимущественно выражены местоимениями, а также прилагательными со значениями “чужой, лишний”.

Так, Николай Плужников становится *чужим* для окружающих его людей, когда не связывает себя с ними близкими отношениями и общими взглядами, то есть стоит в стороне от происходящих событий. Обратимся к тексту: ... *он почувствовал, что люди здесь были своими, но пока еще стеснялся и отмалчивался...* [3, с. 194]; *Но этот лейтенант – худой, страшный и непонятный, – этот чужой лейтенант не хотел ни в чем разбираться <...> с самого начала, как он появился у них [в крепости], он начал угрожать, пугать расстрелом, размахивать оружием* [3, с. 300].

Категория *чуждости* характерна и для образа Рыбака (В. Быков «Сотнікаў»): ... *ён пакутваў ад бяссіля, ад немагчымасці зварнуцца да выпрабаванага сродку – сілы, каб уратаваць сябе* [5, с. 344]; *Ён [Рыбак] ведаў, што за гэта палагаецца па законах ваеннага часу, і падумаў, што, мабыць, трэба адмовіцца ад намеру абараніць Дзёмчыху* [5, с. 349]; ... *ён сам разумеў нялюдскасць свайго жадання [хотел выжить ценой жизни напарника]* [5, с. 352]; ... *ён меў болей магчымасцяў [по сравнению с большим Сотниковым] і схітрыў, каб выжыць ...* [5, с. 385]; ... *ён не хацеў верыць у сваю прычаснасць да гэтай расправы – пры чым тут ён? ...* [5, с. 393].

Чужим является также и Пшеничный (В. Быков «Жураўліны крык»): ... *па няўлоўных прыкметах і дробязях юнак згадаў, што ён усё ж тут лішні, што ён чужы, і ад таго Івану не было радасці* [6, с. 24].

Следует отметить, что употребление местоимений в качестве выразителей семантической категории чуждости позволяет говорить о том, что они являются «языковыми средствами выражения отчуждающего обезличивания» [8, с. 24]. Это значит, что говорящий, отрицательно оценивая тот или иной объект, доводит эту отрицательную оценку до предела тем, что исключает объект из своего культурного и / или ценностного мира и, следовательно, отчуждает его, характеризуя его как элемент другой, чуждой ему и враждебной ему (объективно или субъективно – в силу собственной враждебности) культуры, другого – чуждого – мира [8, с. 6]. В этом смысле местоимения *тот, этот / той, гэты* служат выражению *чужого* в свете данного когнитивного плана, тогда как все *свое* выражается в языке при помощи местоимений *мой, наш*. Например: *Карпенка спыніўся і чакаў, пакуль той [Фишер] яго даганяў* [6, с. 14]; *За колькі дзён службы з ім Карпенка так і не ведаў, які на самой справе гэты Аўсееў* [6, с. 28]; *Мільгаючы падэшвамі і шалёна адмахваючы левай рукой, той на шпарка бег па канаве да лесу* [Овсеев при-

нял решение бросить своих и спрятаться в лесу] [6, с. 83] // *Глядзі ты, а вучоны наш стрываў!* [обрадовался старшина после того, как Фишер выдержал свое первое боевое крещение] [6, с. 70]; *Загінеш ты, прападзеш, любы, харошы мой* [говорила жена старшины Карпенко, когда провожала его на фронт] [6, с. 51].

Также в функции различения *своего* и *чужого* могут употребляться словоопределители *каждый* (получающее в случаях субстантивированного употребления неместоименное экспрессивно-оценочное значение «не стоящий внимания, плохой» [8, с. 25] и *какой-то* (превращающее определенные признаки в неопределенные, снимающее все отличительные признаки). Эти местоимения генерализуют объект, лишая его индивидуально-отличительных признаков и представляя элементом множества. Например: *Нейкі ён незразумелы чалавек, гэты Свіст. Так накшталт і нічога – кемлівы, спрытны і шмат чаго пабачыў, а ніякага крытычнага падыходу да акалічнасцяў* [6, с. 40]; ... *вядома, яны трошкі выхваляваліся, шчасліва радуючыся першай перамозе, кожны быў поўны ўласных уражанняў, і ніхто не азірнуўся назад, дзе ля рога староўжкі стаяў са сваёй драгункай сарамяжлівы Глечык* [6, с. 70].

Необходимо упомянуть также и о конфликтности между *своими* и *чужими*. В этой связи в рассматриваемых произведениях В. Быкова и Б. Васильева отражаются некоторые стратегии действий по отношению к противоположной стороне, предопределяющие разные способы разрешения конфликтности:

1) **активная позиция**, связанная с непримиримостью и неприятием чужого мира, находящего выражение во враждебности, агрессивности и насилии. Данная позиция характерна для образов старшины Карпенко, Свиста, Глечика, старшины Васкова и Николая Плужникова:

Карпенко – *Пра сябе Карпенка дбаў не надта, ён сам для сябе быў зразумелы і просты і без ніякіх сумненняў ці ваганняў ведаў, што калі панадзаяліся на яго камбат і камандзір палка, дык ён спраўдзіць тыя надзеі* [6, с. 32]; *Можна, заб'юць яго, можна, параняць, але калі застанецца цэлы, дык ён зробіць усё, што ад яго патрабуецца* [6, с. 32];

Свист – *Свіст быў чалавек дзеежня, не ў яго характары было разважца і думаць нават у спакойны, здатны для гэтага час* [6, с. 80];

Глечик – *Ён адчуваў, што мог бы цяпер перамагчы найцяжэйшае, перасіліў бы ўсялякі страх і гатовы быў на самае вялікае* [6, с. 82];

старшина Васков – ... *схватки с немцем один на один не боялся* [4, с. 34]; ... *ни на мгновение диверсантов с глаз не спускал* [4, с. 115]; ... *одно знал Васков в этом бою: не отступать* [4, с. 131];

Николай Плужников – ... *в эту короткую минуту затишья, он думал не о себе <...> он думал, где достать патронов, без которых нельзя было прорваться из окруженной крепости* [3, с. 270]; *А еще у него осталось яростное желание выжить, мертвая крепость и ненависть* [3, с. 375].

2) **пассивная позиция**, представляющая смирение с действительностью, безразличное и равнодушное отношение к представителям чужого мира. Данная позиция характерна для образа Фишера и для Сотникова: *Баец зноў набыў свой звычайны, абыякавы да ўсяго выгляд ...* [6, с. 14]; ... *з сярэдзіны касагора Карпенка азірнуўся, каб аглядзець зводдаль пазіцыю свайго ўзвода, і ўбачыў, што яго падначалены [Фишер] адстаў далёка і ледзьве плёўся, зноў чытаючы на хаду сваю кніжку* [6, с. 14] // ... *камандзір клікнуў Сотнікава, і той моўчкі*

пачаў збірацца, нібы ў яго не знайшлося ніякай прычыны астацца разам з усімі [получил приказ идти на задание] [5, с. 248];

3) **приспособленческая позиция**, выражающая нарушение пространства сообществ с целью публичной демонстрации своей отнесенности к другому классу. Данная позиция характерна для образов Овсеева и Пшеничного:

Овсеев – *Аўсееў у палку жыў сам на сабе, гэта было не дужа весела, але хлопец проста не бачыў наблізу нікога вартага, усё задалася яму, што ён куды разумнейшы, вышэйшы густам, пачуццём* [6, с. 40]; *Аўсееў жа заўсёды прывык разважаць, рэвізаваць, думаць і знаходзіць лепшае для сябе з усёй сумы магчымага* [6, с. 41];

Пшеничный – *Ён разумеў, што рабіўся нягодны, нялюдскі, злы і нядобры, як бацька, але перайначыць сябе ўжо не мог і каціўся ўсё болей туды, куды гнала чалавека ягоная крыўда і злосць* [6, с. 26]; *Калі пачалася вайна і нямецкія войскі хлынулі на нашыя землі, сярод вялізнага мора бяды і слёз быў адзін чалавек, які таемна радаваўся. Гэтым чалавекам быў баец запаснога батальёна Іван Пшанічны, які затым стаў франтавіком і сення вось займеў канчатковы намер здацца ў палон* [6, с. 26];

Рыбак – *Рыбак разумеў, што пачынала ўсур'ёз не шэнціць* [5, с. 252]; *ён сам разумеў нялюдскасць свайго жадання* [хотел выжить ценой жизни напарника] [5, с. 352];

В отдельную группу следует выделить номинации, характеризующие лейтенанта Плужникова, которые находятся на границе когнитивных признаков *свой / чужой*: *Тронулся лейтенантик* [3, с. 287]; *Все, теперь уж точно все, кончился паренек* [говорил старший сержант Федорчук, мало заботясь о том, слышит его Плужников или нет] [3, с. 288]. Данные номинации образованы с помощью суффиксов субъективной оценки, содержащих в себе указание на юный возраст персонажа, психологическую незрелость и неопытность. Именно в этот момент лейтенант Плужников перестает быть *своим* для боевых товарищей, потому что потерял веру в свои силы, оказался слабым духом.

Как видим, исследованные системные содержательные характеристики мотивируют наличие или отсутствие у героя художественного произведения определенных поведенческих качеств. Это значит, что выделение когнитивного плана *свой – чужой* позволяет нам обнаружить в художественном тексте языковые феномены, которые задают содержание языкового портрета персонажа.

Список использованной литературы

1. Апресян, Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира / Ю. Д. Апресян // Семиотика и информатика : сб. науч. ст. / Рос. акад. наук, ВИНТИ. – М., 1986. – Вып. 28. – С. 5–34.
2. Степанов, Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики / Ю. С. Степанов. – М. : Наука, 1975. – 311 с.
3. Васильев, Б. В списках не значился / Б. Васильев. – М. : Дет. лит., 2007. – 393 с.
4. Васильев, Б. А зори здесь тихие / Б. Васильев. – М. : Сов. писатель, 1977. – 143 с.
5. Быкаў, В. Сотнікаў / В. Быкаў // Выбранае: для ст. шк. узросту. – Мінск : Ураджай, 2001. – С. 245–398.
6. Быкаў, В. Жураўліны крык / В. Быкаў // Апвесці і апавяданні. – Мінск : Нар. асвета, 1978. – С. 7–98.
7. Паршина, О. Н. Концепт «чужой» в реализации тактики дистанцирования (на материале политического дискурса) / О. Н. Паршина // Филол. науки. – 2004. – № 3. – С. 85–94.
8. Пеньковский, А. Б. О семантической категории «чуждости» в русском языке / А. Б. Пеньковский // Проблемы структурной лингвистики. 1985-1987 / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; отв. ред. В. П. Григорьев. – М., 1989. – С. 54–83.